

UDC: 94(510):316.356.4

ESTABLISHING THE CONCEPT OF “CHINESE NATION” IN CHINA IN THE PERIOD OF THE QING DYNASTY

Wu Xiaoxia

Professor,

Beihang University

No. 37 Xueyuan Road, Haidian District, Beijing, P.R. China, 100083

russianwxx@hotmail.com

“Chinese nation” is a combination of the words “China” (Zhonghua) and “nation” (minzu). Its formation as an ideological concept is not only inextricably linked to continuation and evolution of internal content and identification of ancient notions of “China” (Zhongguo), “China” (Zhonghua) and “Chinese” (Zhongguoren) during the Qing era but there is also direct connection with the borrowing and using the modern foreign concept of “nation” in this period. The Qing Dynasty is a period of large-scale clash and unprecedented integration of major nationalities in the history of China as well as the epoch when China directly touched, entered the conflict and felt the deep influence of the Western countries that dominated the “system of the modern world”. All this created the necessary historical conditions for the emergence and development of the modern concept of the Chinese nation.

Key words: Chinese nation, concepts, Chinese identity

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ “КИТАЙСКОЙ НАЦИИ” В КИТАЕ В ПЕРИОД ДИНАСТИИ ЦИН

У Сяося

В общем мы считаем, что слово “Китай” (Чжунхуа) возникло в период династий Вэй и Цзинь. Первоначально оно использовалось в астрономии, оно состояло из двух иероглифов, взятых из слов “Чжунго” и “Хуася”. После того как появилось слово “чжунхуа”, оно постепенно приобрело значения “Китай” (Чжунго), культура Центральной равнины и национальность хань, цивилизованная нация и другие коннотации [王树民 1985]. Хотя в конкретном использовании это слово часто более склонялось к значению “цивилизованная нация”, но когда его использовали для общего названия исторических династий или как внешнее название страны, то оно не обладало таким широким значением, как “Чжунго” (Китай). Иными словами, понятие “Чжунхуа” постепенно стало еще одним давним традиционным названием древних государств Китая.

В Китае после династий Цинь и Хань традиционная национальная идентичность не только проявлялась как идентичность с определенным монархом,

но и как идентичность с конкретной династией, а еще начала выражать идентичность с общим названием для исторической и культурной преемственности превосходящей династии – “Чжунго” или “Чжунхуа” (в то же время сопровождавшей некоторые самоназвания вплоть до родственной идентичности – “потомки Хуан-ди” или “потомки Янь-ди и Хуан-ди”). Самоназвание “Чжунго” и “Чжунхуа” использовалось не только ханьскими династиями, но и династиями многих национальных меньшинств. Те, кто признавали себя потомками Янь-ди и Хуан-ди, были не только ханьцами, но и правителями из многих национальных меньшинств. Например, династия Северная Вэй, основанная сяньбийцами, династия Ляо, основанная киданями, династия Цзинь, основанная чжурчжэнями, Юань, основанная монголами, Цин, основанная маньчжурами и т. д.

Возьмем для примера основание киданями династии Ляо. Под влиянием своих предков сяньбийцев они после основания государства стали называть себя “потомками Янь-ди и Хуан-ди”, именоваться “Китаем” (Чжунго), начали считать себя “Китаем” (Чжунго). Но, называя себя “Китаем” (Чжунго), люди Ляо по-прежнему называли “Китаем” (Чжунго) династию Сун [赵永春 2010].

Такая непрерывная и связанная с династиями самоидентификация с “Чжунго” или “Чжунхуа”, как объектом и символом, обладает не только историческим и культурным характером идентичности, но несет в себе традиционную модель политического управления, которая длительно наследовалась и развивалась. Основная идеология великого соединения каждой династии получала продолжение, центральная область правления, как правило, не изменялась, территория либо сжималась, либо расширялась, перекрещивалась и сменялась, а различные этнические группы, в качестве подданных, постоянно смешивались и усиливались, многократно соединяясь в единые и взаимосвязанные политической общностью и особенностями идентичности круги управления. Как уникальная идентичность традиционного династического государства, которая непрерывно продолжается в течение тысяч лет, идентичность “Чжунго” или “Чжунхуа” является относительно редким явлением в мировой истории. Особенно ко времени династии Цин эта идентичность в своем продолжении также оказалась перед лицом новой международной ситуации после вступления в силу Вестфальского мирного договора и была вынуждена поддерживать отношения с западными державами, в то время представлявшими собой “современную мировую систему”. Постепенно происходили новые, несущие современность, политические изменения, особенно в конце периода династии Цин. Установив отношения современных договорных государств, признающих суверенитет друг друга, слово “Чжунго” стало названием суверенного государства, признанного великими державами. Поэтому понимание цинскими маньчжурами, особенно их правителями, содержания и эволюции идентичности “Чжунго” и “Чжунхуа”, как и преобразование “Чжунго” от общего названия династических государств и великой династии Цин, в название современной страны, несомненно, имеет прямое и важное значение для понимания формирования современного значения концепции “китайская нация” (Чжунхуа миньцзу).

Как всем известно, до своего вторжения в “застенный” Китай первоначальный основатель великой Цин Нурхаци и другие признавали себя вассалами и выражали уважение к династии Мин, которая тогда называлась “Китай”

(Чжунго), и объявляли себя “командирами охраны Цзяньчжоу” династии Мин. Они уважали великую Мин как “высокое государство небесной династии” и признали себя “варварами” на окраине Китая. Хотя они признавали в то время “Китай” центром в порядке Поднебесной с китайскими и некитайскими народами, мандат Неба все еще находился у династии Мин, но уже начинали признавать, что “хозяином Китая” не является император династии Мин, ханьцы не могут вечно им владеть, и что у них также есть способность и шанс побороться за власть. Фактически именно из-за этого, после вторжения в Центральную равнину, маньчжурский император официально назвал всю подвластную территорию “Китаем” (Чжунго), что привело к ускорению идентификации с династической державой не только проживавших в ней ханьцев [郭成康 2005].

В период правления императора Шуньчжи в политических документах династии Цин уже появилось использование слова “Китай” (Чжунго) для названия всей территории, на которой правила династия Цин. С середины периода правления императора Канси такое использование названия “Китай” (Чжунго) было повсеместным, и поскольку оно выражало волю государства, то быстро стало абсолютным главным источником использования названия “Китай” (Чжунго). С этого времени можно сказать, что стала обычной ситуация, когда высшие слои маньчжуров признали “Китай” (Чжунго) и называли себя “китайцами” (чжунгожэнь). А в процессе общения с иностранцами с Запада, особенно с теми, кто постепенно стал членом государственной системы нового и новейшего времени, люди в основном называли друг друга “Китай” (Чжунго) и “Запад”, “китайцы” (чжунгожэнь) и “иностранцы”. Император, министры маньчжуры, министры ханьцы и даже западные миссионеры поступали так же.

В период расцвета правления императоров Канси и Цяньлуна хотя все еще существовало унаследованное значение слова “Китай” (Чжунго), как территории правления ханьцами династией Мин, но концепция “Китай” (Чжунго) в этих достаточно узких рамках страны не могла использоваться официально для представления национальной идентичности династического государства. В “Императорских хрониках цинского Шэнцзу” (“Цин шэнцзу шилу”) в описании надписи на первом официальном международном договоре, “Нерчинском договоре”, определившем китайско-российскую границу, уже много раз было использовано название государства “Китай” (Чжунго), включавшее всю территорию Великой Цин, и название китайцев “народ Китая” (Хуаминь), как подданных Великой Цин. Место происхождения маньчжуров также четко обозначено как неотъемлемая часть “Китая” (Чжунго).

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что “Китай” (Чжунго) в то время не только явно стал политическим символом государственной идентичности императора Канси, но этот символ также тесно связан с современной концепцией государства, особенно с национальным сознанием.

В последние годы правления Канси еще и остро ощущал реальную угрозу со стороны западных колониальных держав для своего государства “Китая” (Чжунго), говоря: “Заморские страны, такие как западные государства, через тысячи лет, боюсь, что будут вмешиваться в дела Китая, таково мое предвидение” [“清圣祖实录” 1985]. Ко времени правления Цяньлуна такое использование понятия “Китай” (Чжунго), которое указывало на смысл идентичности со всем государством, уже было институционализировано, особенно при

самоназвания для внешнего мира. Хотя самоназвания “Небесная династия” (Тяньчао) или “Китай” (Чжунго) были проявлением определённого высокомерия, но в то же время указывали на политическую сущность своего династического государства. Вне всяких сомнений, для названия династического государства “Великая Цин” во внешних сношениях можно использовать только “Китай” (Чжунго). Имперский двор решительно не мог позволить указывать только на территории и население династии Хань. В то время это была самая главная общественная идеология.

К концу династии Цин в разнообразных договорах, подписанных со странами Европы и Америки, одновременно использовались как название всей страны понятия “Чжунго” или “Чжунхуа” и “Великое государство Цин”, подобное использование было, за редким исключением, очень распространенным явлением. При династии Цин в глазах императоров и министров Великая династия Цин была Небесной империей, так что в названии “Чжунго” или “Чжунхуа” отразилось их высокомерие. А в конце династии Цин во всех отношениях Китая со странами Запада, особенно для стран Запада, название “Чжунго” или “Чжунхуа” фактически “понижилось” до равнозначного названию “China” и вынужденно стало названием страны, “равной” с западными странами. Иными словами, “Чжунго” стало именем суверенной страны и в то же время фактически получило признание международного сообщества, представленного странами Запада.

В истории Китая, когда утвердилось правление династий Великого единства Центральной равнины, идентичность династии китайского народа и идентичность государства названию “Китай” начали соответствовать друг другу, особенно когда она сталкивалась с иностранцами или иностранными государствами за пределами “Поднебесной китайцев и варваров”. Данная династия, естественно, представляла “Чжунго” (Китай) и была названием Китая и китайцев, и эти два понятия фактически слились в одно. В то же время “Китай” (Чжунго) также, конечно, стал универсальным названием страны, которое, естественно, стало привычно использоваться в Китае и зарубежных странах, особенно во времена династий Мин и Цин.

Если говорить о периоде после вторжения в “застенный” Китай, то “китайская идентичность” маньчжуров династии Цин не выходила за рамки основного содержания, включавшего в себя следующие два аспекта: во-первых, как было описано выше, на уровне названия государства самоидентификации с “Китаем” (Чжунго) и самоназвания “Китай” (Чжунго). По крайней мере, начиная с эпохи Канси, эта практика стала повседневной привычкой на уровне маньчжурской верхушки. Все подданные императора династии Цин, включая маньчжуров, относились к “китайцам” (чжунгожэнь), все земли Великой Цин, в том числе районы происхождения маньчжуров в “Маньчжурии”, являлись частью “Китая” (Чжунго). Такое понимание, по крайней мере, в эпоху расцвета династии Цин при императорах Канси и Цяньлуна, уже стало официально признанным, также маньчжурскими чиновниками династии Цин, а также в то время и в последующем было признано международным сообществом. Во-вторых, то, что касается идентичности с названием страны. Императоры Цин и высшие слои маньчжуров четко признавали основу предыдущей традиционной китайской истории и культуры (ханьской культуры, как представительной основы), а особенно – конфуцианство в качестве основной концепции государственного управления, сознательно наследовали традиционную генеалогию

императора, власть імператора, свідомо придерживались китайської конфуціанської ортодоксії (так называємого поєднання преемственности учения и власти імператора), безусловно, считали династію Цін преемственницей древних династій (наприклад, называли династію Мин предыдущей династией). Об этом можно получить некоторое представление из содержания ритуала жертвоприношений імператора, включавшего не только древних імператоров с династии Хань, но и монгольских, маньчжурских и других імператоров, вторгшихся в Центральную равнину.

Фактически, “китайская идентичность” маньчжурских правителей династии Цін постепенно развивалась и углублялась в противоречивых отношениях сотрудничества с различными кланами, особенно с ханьцами. Эта идентичность не только была обусловлена осуществлением “великого единства”, основанного на политическом сотрудничестве маньчжуров, монголов, ханьцев и других национальностей, но и была одним из ярких проявлений культурного плюрализма, непрерывной интеграции и внешней защиты их общего достоинства.

ЛИТЕРАТУРА

- 郭成康。清朝皇帝的中国观 // 清史研究, 第4期。北京, 2005。
“清圣祖实录” 卷270, 康熙五十五年十月壬子。北京, 1985。
王树民。中华名号溯源 // 中国历史地理论丛, 第1期。北京, 1985。
赵永春。试论辽人的“中国”观 // 文史哲, 第3期。济南, 2010。

REFERENCES

- Guo Chengkang (2005), Qingchao Huangdi de Zhongguo guan. *Qing shi yanjiu*, Vol. 4, pp. 1–18. (In Chinese).
“Qing sheng zu shi lu” juan 270, *Kangxi wushiwu nian shi yue renzi*. Zhonghua shuju, Beijing. (In Chinese).
Wang Shumin (1985), Zhonghua minghao suyuan. *Zhongguo lishi dili luncong*, Vol. 1, pp. 6–16. (In Chinese).
Zhao Yongchun (2010), Shilun liao ren de “Zhongguo” guan. *Wen shi zhe*, Vol. 3, pp. 78–90. (In Chinese).

СТАНОВЛЕННЯ КОНЦЕПЦІЇ “КИТАЙСЬКОЇ НАЦІЇ” В КИТАЇ У ПЕРІОД ДИНАСТІЇ ЦІН

У Сяося

“Китайська нація” являє собою поєднання слів “Китай” (Чжунхуа) і “нація” (міньцзу). У якості ідеологічної концепції її формування не тільки нерозривно пов’язане з продовженням і еволюцією в епоху Цін внутрішнього змісту й ідентифікації давніх понять “Китай” (Чжунго), “Китай” (Чжунхуа) і “китаєць” (чжунгожень), але існує і прямий зв’язок із запозиченням і використанням у цей період сучасної зарубіжної концепції “нація”. Династія Цін – це період масштабного зіткнення і безпрецедентної інтеграції основних національностей в історії Китаю, а також епоха, в якій Китай безпосередньо доторкнувся, вступив у конфлікт і відчув глибокий вплив західних держав, що панували в “системі сучасного світу”. Все це створило необхідні історичні умови для зародження і розвитку сучасної концепції китайської нації.

Ключові слова: китайська нація, концепції, китайська ідентичність

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ “КИТАЙСКОЙ НАЦИИ” В КИТАЕ В ПЕРИОД ДИНАСТИИ ЦИН

У Сяося

“Китайская нация” представляет собой сочетание слов “Китай” (Чжунхуа) и “нация” (миньцзу). В качестве идеологической концепции, ее формирование не только неразрывно связано с продолжением и эволюцией в эпоху Цин внутреннего содержания и идентификации древних понятий “Китай” (Чжунго), “Китай” (Чжунхуа) и “китаец” (чжунгожэнь), но существует и прямая связь с заимствованием и использованием в этот период современной зарубежной концепции “нация”. Династия Цин – это период масштабного столкновения и беспрецедентной интеграции основных национальностей в истории Китая, а также эпоха, в которой Китай напрямую соприкоснулся, вступил в конфликт и ощутил глубокое влияние западных держав, господствовавших в “системе современного мира”. Все это создало необходимые исторические условия для зарождения и развития современной концепции китайской нации.

Ключевые слова: китайская нация, концепции, китайская идентичность

Стаття надійшла до редакції 22.04.2019